

ГАРМАШОВ АРТЕМ

A movie poster for 'The Shadow of the Traitor' (Тень отступника). The central figure is a man with long, dark hair and pointed ears, wearing a dark, intricately detailed armor with a wolf's head on the shoulder and a dark cape. He is looking back over his right shoulder. The background is a dark, gothic cityscape with a large, spire-filled cathedral on a hill. The sky is filled with dark, swirling clouds and three moons of varying sizes. On the left, a flag with a skull and a sword is visible. The overall mood is dark and atmospheric.

ТЕНЬ ОТСТУПНИКА

ТОМ 1

ЧИСТЫЕ РУКИ — ПУСТЫЕ РУКИ

18+

ЦИКЛ ТЁМНОГО ФЭНТЕЗИ

Артём Гармашов

Тень Отступника

<https://litres.ru/74043216>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать три года Нар'миир служил Кара'Тагу и верил, что защищает свой народ. Одного дня хватило, чтобы усомниться во всём.

После того, что он увидел на поединке за трон, он бросает службу и возвращается к женщине, которую любит. Казалось бы, выбор сделан.

Но почему тогда исчезают эльфы, власть требует молчания, а те, кого он считал чудовищами, начинают говорить вещи, которые невозможно забыть?

Чем ближе Нар'миир подбирается к истине, тем чаще задаётся вопросом: а если правитель всё это время был прав?

Содержание

Пролог — Пусть ненавидят	4
Глава 1 — Девятьсот шагов	19
Глава 2 — Девять ударов	34
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Артём Гармашов

Тень Отступника

Пролог — Пусть ненавидят

03.06.935 Эпохи «Совета десяти».

Шаги за дверью стихли. Раздался стук.

Лейфар Таранис не вздрогнул. От этой привычки он избавился давно. Рука сама легла на рукоять меча — туда, где находила её уже четыреста лет. Пальцы сжались и тут же отпустили кожу оплётки. Убийцы обычно не стучат.

Стук повторился — три коротких удара.

Правитель не сводил взгляда с двери. За тяжёлым окованным полотном ждал тот, кто не имел права входить без дозволения.

У стены стоял молодой тёмный эльф. Виночерпий. Спина прямая, лицо спокойное и неподвижное. Лейфар едва заметно кивнул, и тот ответил таким же коротким наклоном головы.

— Пусть ждёт, — сказал правитель. Голос прозвучал тихо, почти шёпотом. — Откроешь, когда я скажу.

Рассвет понемногу пробирался в комнату. Свет был тусклым, словно ночь не желала уступать ему место. Он ложился на карту, испещрённую границами, цеплялся за серебряные

фишки вдоль краёв стола и терялся в пустых пространствах между ними.

Там, где на карте оставалось свободное место, власть Лейфара уже не действовала.

Пахло воском, старой бумагой и пылью. Карты лежали здесь годами. Их редко использовали по назначению, но почему-то постоянно перекладывали с места на место.

Старый эльф отвёл взгляд от карты и посмотрел на шкафчик из тёмного дерева в углу. Тот стоял у стены так давно, что уже казался частью комнаты. Лейфар подошёл ближе и провёл ладонью по стеклу. Под пальцами скрипнула пыль. Он коснулся нескольких пробок, задержался на одной из бутылок.

Стекло потемнело от времени. Этикетка почти исчезла. Уцелел лишь уголок бумаги да несколько выцветших букв, которых уже не складывалось прочесть.

Правитель кивнул виночерпию.

Тот беззвучно подошёл, откупорил бутылку и протянул её хозяину. Лейфар взял её обеими руками. Стекло холодило ладони.

Нахлынул аромат осени.

Одной из сотен, пережитых им за долгую жизнь, и всё же чем-то отличной от остальных. Лейфар не смог бы сказать чем. Он помнил только чувство.

Виночерпий перелил вино в кувшин. Правитель не торопился. Старым винам всегда требовалось время.

Он вновь посмотрел на карту.

Граница со светлыми эльфами тянулась через весь пергамент тонкой тёмной нитью. По обе стороны от границы стояли серебряные и золотые метки армий.

Слишком много.

И слишком близко друг к другу.

Лейфар взял один из серебряных кружков. Металл оказался холодным. Он покрутил его между пальцами и передвинул ближе к столице.

— Однажды они поймут.

Слова прозвучали едва слышно.

Он махнул рукой. Виночерпий налил вина — немного, на палец. Поставил бокал на край стола и отступил, не выпуская кувшин из рук.

Таранис кивнул на дверь.

— Хватит Аральду ждать.

Мальчишка скользнул к выходу. Щёлкнул засов.

Дверь открылась.

Аральд вошёл не сразу. Задержался на пороге, словно проверяя, вовремя ли его позвали, потом шагнул внутрь.

Жёлтая мантия в предрассветном сумраке выглядела почти серой. Под глазами залегли тени. Линзы на цепочке качнулись, когда он поклонился.

— Мой Лейфар.

Ответа не последовало.

Правитель по-прежнему стоял над картой. Его взгляд

скользнул по расставленным фигуркам, задержался на бокале. Только потом он посмотрел на Аральда.

— Претендент определился?

— Да, мой Лейфар. Им стал Аральд развернул было свиток.

— Без имён.

Тот запнулся.

— Не хочу знать, против кого выйду, — сказал Таранис.

— Если мне суждено его убить, имя ничего не изменит. Если погибну я — тоже.

В комнате стало тихо. Аральд смотрел на лейфара со спины. Тот стоял неподвижно.

Лишь время от времени проводил пальцем по серебряному краю бокала.

— Вы устали, — сказал Аральд.

Таранис медленно повернулся. Глаза щипало от недосыпа.

— Устал. Но проигрывать пока не собираюсь.

— Я мог бы избавить вас от риска, мой Лейфар. Ритуал не терпит случайностей. Если позволите

— Что именно? — перебил Таранис. — Убить претендента заранее?

Аральд промолчал.

— Или устроить так, чтобы он не дошёл до арены?

Линзы на цепочке едва заметно качнулись.

— Нет. Не будет этого.

Он взял бокал, но так и не отпил.

— Всё, что я могу себе позволить, — это принять собственное поражение. Да и то не уверен.

Аральд опустил голову.

Несколько секунд никто не говорил.

— Мой Лейфар в последнее время вы будто перестали думать о том, что будет дальше.

Таранис коротко усмехнулся.

— Ты спрашиваешь, не надоела ли мне жизнь?

— Нет, мой Лейфар.

— Врёшь.

Снова повисла тишина.

Старый эльф смотрел на карту. Потом на бокал. Потом снова на серебряные метки вдоль границ. Взял бокал, едва смочил губы. Поставил обратно.

— Я готов умереть, — сказал он. — Но не сейчас. Мой народ не готов.

Поднялся, накинул мантию — руки привычно затянули застёжки. Кивнул виночерпию, и тот бесшумно скользнул к выходу, открывая дверь.

Коридор тянулся долго. Своды над головой терялись в сером рассветном полумраке, шаги нукеров — четыре пары сапог — отдавались глухим эхом, отсчитывая каждый шаг лейфара. Сырость камня пробиралась сквозь подошвы, заземели ступни.

Аральд шёл чуть сзади и справа — место, которое он занимал последние сто лет, и которое никогда не казалось ему

привычным.

— В казармах произошёл инцидент, — начал он негромко. — Три дня назад. У молодого тархана.

Таранис не замедлил шага, не повернул головы. Только чуть наклонил её, давая знак продолжать.

— Неконтролируемый всплеск ветви тьмы, — Аральд говорил ровно, но пальцы, сжимавшие край свитка, побелели. — Солдаты называют это «аурой страха». Двое упали в обморок. Остальные разбежались.

— Имя.

— Нар'миир. Тархан, вторая сотня, седьмая десятка. — Аральд помедлил. — Его поток нестабилен. Он пытается его контролировать, но

— Но?

— Он не умеет. Или не может. Каждый раз, когда эмоции берут верх, тьма высвобождается. Даже нукеры его боятся. Он сам себя боится.

Таранис остановился. Повернулся к Аральду — веки того дрогнули, пальцы смяли край свитка. Аральд не поднял глаз.

— Сын того самого? — спросил он.

Аральд кивнул.

— Да. Его отец погиб

— Удержав Волчий мост. Сотня против двух тысяч. Лучший уздень на моей памяти! — он понизил тон. — Парень, должно быть, гордится и до сих пор скорбит. А может, и ненавидит меня Я шёл девять дней — челюсти сжались так,

что заныли зубы.

— Он верен вам, мой Лейфар. Правда, в наследство мальчишке досталось только худородное имя и дар, с которым тот не знает, что делать. В Великий Конклав его не примут. Я предлагаю направить в орден Неведомого.

Таранис смотрел на него ещё секунду, потом развернулся и пошёл дальше. Аральд не видел его лица, но заметил, как пальцы лейфара сжались в кулак и тут же разжались.

— Наблюдать, — отрезал он. — Не вмешиваться. Если не выдержит — потеряем простого тархана. Если выдержит, получим того, на кого можно будет положиться в грядущем.

— В грядущем? — Аральд шагнул ближе. — Вы видели, что грядёт?

Лейфар пожал плечом.

— Я видел только одно. Одних страх ломает. Другие после него становятся опаснее.

Они вышли на террасу.

Ветер принёс сырость. На губах сразу осела соль.

Город уже просыпался.

Отсюда были видны мастерские у внутренних стен. Над трубами поднимался дым. На улицах мелькали первые повозки. Где-то внизу открывали лавки.

За городом тянулись пастбища. Ещё дальше, у подножия гор, белела арена. Лейфар задержал на ней взгляд. Даже отсюда она казалась пустой. Завтра он снова спустится на этот песок.

Как и год назад. Как и сотни лет до этого.

Он стоял молча, глядя на арену. Потом перевёл взгляд на плац за внутренней стеной, где уже выстраивались первые шеренги.

Солдаты. Его солдаты.

Их было больше, чем требовалось для охраны столицы. Но для войны всё ещё недостаточно.

Лейфар окинул взглядом шеренги и почти машинально отметил разрывы между подразделениями, число знамён, расположение офицеров.

За столько лет он перестал замечать, что делает это.

— Среди народа растёт недовольство, — сказал Аральд уже тише. — Последние указы понимают не все.

Таранис промолчал.

— Многие считают ошибкой ваш отказ от союза со светлыми.

Ветер тронул край свитка.

— И что ты предлагаешь?

Аральд ответил не сразу.

— Самые шумные — полукровки. Вероятно, за ними стоят светлые. Если наказать зачинщиков сейчас, остальные поостынут. Публично. Нескольких имён будет достаточно.

Таранис продолжал смотреть на него.

— Это даст нам время, — добавил Аральд. — Если оставить всё как есть, недовольство начнёт расти само по себе.

Лейфар повернулся. Аральд тут же отвёл взгляд. Несколь-

ко секунд никто не говорил.

Снизу доносились крики чаек. Где-то в городе скрипели телеги. На плацу звенел металл.

Обычное утро.

Только через день лейфару снова предстояло выйти на арену.

— Зато не погибнут на чужой бессмысленной войне, — сказал он. — Хойэлион Турон дал понять, что законы Совета Десяти ему безразличны.

Аральд открыл рот, чтобы ответить, и закрыл, не сказав ничего. Он смотрел на спину правителя, на шрамы, что угадывались под воротом рубахи, и не мог найти ни одного возражения, которое не было бы ложью.

Он поклонился.

— Как прикажете, мой Лейфар.

Развернулся и пошёл прочь. На полпути к выходу остановился. Секунду стоял, не оборачиваясь, — будто примерялся, стоит ли говорить ещё что-то, и, передумав, нырнул в тень коридора. Шаги его отдавались от каменных плит всё тише, пока совсем не растворились в шуме пробуждающегося города.

Нукеры, не дожидаясь приказа, отступили к стенам, замерли изваяниями — взгляды вперёд, лица пусты. Они не видели того, что происходило в десятке шагов от них. Или видели, но не то, что было на самом деле.

Правитель стоял на краю террасы, глядя на арену, на плац,

на стены, на дым из труб. Ветер трепал его волосы, он не убирал их с лица.

— Главное — живут, — сказал он тихо. Или не сказал — ветер унёс слова раньше, чем они успели родиться.

Таранис стоял у самого края террасы, глядя на город.

Ветер почти стих.

Он скинул мантию. Тяжёлая ткань глухо ударилась о камень. Под тонкой рубахой проступили шрамы. Старые — побелевшие от времени, давно ставшие частью тела. И новые. Кожа на них ещё оставалась розовой и неровной. В нескольких местах рубцы тянулись через плечо и грудь, будто их оставили совсем недавно. Через несколько лет он перестанет различать и их. Как перестал различать десятки других.

Арена исправно собирала свою дань. А через год требовала снова явиться для следующей.

Он не оборачивался. Не проверял, смотрят ли нукеры. Не смотрели.

Они знали своё дело.

Таранис подошёл к зеркалу. Огромное, в тяжёлой раме из чёрного дерева, оно стояло под навесом у стены террасы. Он откинул полог.

Из стекла на него смотрел старый эльф.

Рубаха не скрывала шрамов. Лейфар задержал взгляд на одном из них, потом поднял глаза. Отражение ответило тем же взглядом.

Лейфар долго смотрел в зеркало. Потом тихо спросил:

— Сколько ещё?

Ответа не было. Только старое зеркало и усталый эльф перед ним.

Шагов он не слышал.

Когда Таранис поднял взгляд, фигура уже стояла у стены. Высокая. Худая. В чёрной мантии. От неё тянуло холодом. Где-то под одеждой неприятно заныли старые шрамы.

Нукеры не шелохнулись.

Они ничего не видели. И ничего не слышали.

— Ты подошёл к пределу, который сам для себя определил.

Таранис не обернулся.

Он смотрел в зеркало. За своим отражением он видел другое лицо.

Молодое.

Слишком молодое.

И глаза. Тёмные настолько, что в них почти не оставалось света.

— Не пройдёт и года, как Хойэлион Турон возродит эльфийский союз, — произнесла фигура. — Назовёт себя Альдром. Соберёт эльфов под своей рукой любой ценой.

Таранис молчал.

— Твои земли для него не просто соседнее государство. Они часть того, что он захочет получить.

Фигура сделала шаг вперёд.

— А твой народ может исчезнуть ещё до того, как начнёт-

ся настоящая война.

Старый эльф не ответил.

— Или подготовь преемника, — фигура сделала шаг ближе. Её тень коснулась плеча лейфара. Он не отстранился. — Того, кто сможет продолжить, — сказала она. — Кто сумеет сделать выбор, когда придёт время.

— Мне не нужен преемник, — Таранис по-прежнему смотрел в зеркало. — Мне нужно оставить после себя мир, в котором достойный сам захочет принять это бремя.

Несколько секунд фигура молчала. Ветер трепал край плаща лейфара. Чёрная мантия гостя оставалась неподвижной.

— Если ты продолжишь, тебя возненавидят, — голос стал тише. — Знать. Горожане. Простые эльфы. Все.

Таранис не ответил.

— Они увидят только запреты. Только страх. Только правителя, который не даёт им того, чего они хотят, — фигура чуть склонила голову. — А за воротами уже будет стоять тот, кто пообещает им обратное.

Лейфар смотрел на своё отражение. Лица мальчишки больше не было. Только старый эльф. Усталый. Слишком долго живущий с тем, что нельзя исправить.

— Передай Хойэлиону

— Скажешь ему лично, — оборвал его силуэт. — Когда он придёт как Альдр.

На мгновение под капюшоном блеснули глаза. Золотые.

Потом фигура шагнула назад. Тень скрыла её так быстро, словно в комнате никого и не было.

— Пусть ненавидят. Главное — живут. Свободно, — Лейфар не сразу отвёл взгляд от зеркала. — Благодарить будут потомки.

Некоторое время он ещё стоял. Потом нагнулся, поднял мантию и накинул на плечи. Ткань зацепилась за ворот рубахи. Пришлось поправить.

Фигура в чёрном исчезла, будто её и не было. Нукеры по-прежнему стояли вдоль стены. Таранис отвёл взгляд от зеркала и пошёл к выходу.

В коридоре было прохладнее. Камень за ночь отсырел. Где-то далеко хлопнула дверь.

Он не спешил. Когда вернулся в покои, рассвет уже добрался до окон. Карта лежала на столе.

Таранис остановился возле стола.

Серебряные кружки стояли там, где он их оставил: у границ, у столицы, вдоль дорог.

Он взял один из них. Серебро холодило пальцы. Покрутил между пальцами и поставил обратно.

Напротив серебра теснились золотые метки светлых. Кажется, их стало больше. Или он просто слишком долго смотрел на карту.

Вино ждало на краю стола. Он сделал глоток.

Старое. Хорошее.

Когда-то он помнил, в каком году его разлили по бочкам.

Теперь уже нет.

Виночерпий стоял у стены, опустив глаза. Тихий мальчишка. За несколько лет службы Таранис почти перестал его замечать. И именно поэтому держал рядом.

Он снова посмотрел на границу. Тонкая чёрная линия пересекала карту от края до края. По ту сторону жили тоже эльфы. Ремесленники, торговцы, дети. На карте их разделяла линия. В жизни — куда больше.

— Пусть ненавидят, — голос прозвучал негромко.

Виночерпий не шевельнулся. За дверью стояли нукеры. В покоях было тихо.

Таранис открыл потайной ящик стола и достал три пергамента.

Три подписи. Три имени.

Лейфар ещё раз перечитал их, затем вывел под каждым: «Если меня не станет, передайте это тому, кто возьмёт на себя моё бремя».

Ниже добавил несколько строк. Чернила успели подсохнуть, прежде чем он свернул пергаменты и убрал под плащ.

Старый эльф провёл пальцем по краю карты возле столицы. Потом взял бокал и допил вино.

Не спеша.

— Главное — живут, — сказал он. — Свободно, — последнее слово прозвучало почти беззвучно.

Он поставил бокал на стол. Виночерпий тут же шагнул вперёд. Таранис поднял взгляд. Мальчишка смотрел на бо-

кал. На тонкую каплю вина, оставшуюся на стекле.

Не на лейфара. На каплю.

Будто ждал, что она сорвётся вниз. Виночерпий почувствовал взгляд и сразу опустил глаза.

Мальчишка моргнул только тогда, когда капля всё-таки сорвалась и медленно поползла по стеклу.

Странно.

За все годы службы Таранис ни разу не видел, чтобы тот отвлекался на что-то подобное.

Но сейчас виночерпий смотрел именно на неё.

Таранис отвернулся, так ничего не сказав.

Карта осталась на столе. Рядом лежал пустой бокал. За окнами окончательно рассвело.

Он вышел из покоев.

Глава 1 — Девятьсот шагов

02.06.935 Эпохи «Совета десяти».

Солнце только показалось из-за горизонта, когда Нар'миир открыл глаза. Сквозь щели в ставнях в комнату проникали тонкие жёлтые полосы света. Они ложились на половицы, на смятую простыню, на спутанные чёрные пряди Малис.

Он лежал неподвижно, глядя в потолок. Трещина, которую Малис ещё прошлой осенью забила тряпкой, снова расползлась. Теперь сквозь неё просачивался тусклый рассветный свет.

Малис дышала ровно и глубоко. Во сне её лицо выглядело беззащитным. Нар'миир задержался взглядом на ней чуть дольше, затем осторожно выбрался из-под одеяла.

Пол обжёг ступни холодом. Под левой ногой привычно скрипнула половица. Нар'миир замер и прислушался. Малис лишь тихо вздохнула во сне и не проснулась.

Он быстро перепоясался и натянул серый мешковатый халат, скрывающий лишнее. Кинжал он поправил последним. Пальцы прошлись по выбитому на рукояти знаку тархана, проверяя застёжку. Пряжка негромко звякнула.

Малис снова пошевелилась во сне, перевернулась на другой бок, и Нар'миир невольно застыл ещё раз. Но она не открыла глаз. Он выдохнул и потянулся за сапогами.

— Ты когда-нибудь просыпался позже первых петухов? —

голос был хриплый, сонный, слова слипались, будто она ещё не до конца понимала, что говорит.

Малис приподнялась на локте, щурясь на свет, и её волосы упали на плечи. Она провела по ним рукой, пытаясь распутать, но тут же бросила и зажмурилась.

— Каждый раз одно и то же, — добавила она.

Нар'миир натянул сапог, не поднимая на неё взгляда.

— Мне следует вовсе просыпаться в другом месте, — ответил он негромко. — Но ты же этого не хочешь?

Пальцы её перестали перебирать спутанные пряди. Он выпрямился, повернулся к ней.

— Осталось всего одиннадцать лет, — добавил он, глядя в окно на серые стены столицы. — И никакое звание не будет заставлять меня таиться. Тогда мы наконец будем вместе. По-настоящему.

Малис подняла на него глаза. Тёмно-зелёные, почти болотные, они смотрели спокойно, но без тепла.

— Мог бы и не напоминать, сколько ждать, — сказала она, бросив в него подушкой. — Я и так считаю.

Он поймал на лету, усмехнулся — но она уже отвернулась к стене, натягивая одеяло на плечо.

Нар'миир задержал взгляд на её спине. Сквозь тонкую рубаху проступали позвонки.

Он отвернулся к столу, где лежали его вещи. Поношенная сумка стояла там же. Застёжка давно разболталась и почти не держала, поэтому он по привычке стянул её ремешком.

Что-то блеснуло на лавке.

Нар'миир замер.

Из приоткрытой сумки Малис выглянул край украшения. Стекло? Металл? Он протянул руку и отодвинул кожаную перегородку.

Браслет.

С камнями, переливавшимися не отражённым светом, а будто собственной живой бирюзовой глубиной.

Пальцы едва коснулись металла, и по коже пробежала короткая дрожь.

— Откуда? — Слова вышли тихо.

Малис резко обернулась. Увидев браслет в его руках, она в два шага оказалась рядом и выхватила украшение.

— Не твоё дело.

Она поспешно сунула браслет обратно в сумку. Другая рука сама метнулась к старому клейму на шее. Малис тут же спрятала его под волосами.

Нар'миир молча смотрел на неё. Она первой отвела взгляд.

— Он почти в пыли валялся, — глухо сказала Малис. — К вечеру избавлюсь.

— В пыли?

Голос остался ровным, но пальцы сильнее сжали ремень.

Малис не ответила.

Отвернулась к кровати и принялась поправлять постель с таким усердием, будто разговор уже закончился.

Нар'миир уже собирался сказать что-то резкое, но посмотрел на её спину, дрожащие руки, на то, как она вжала голову в плечи. Выдохнул. Разжал кулак. Он постоял ещё секунду, потом полез в свою сумку. Монеты — серебро и медь, не много, но для неё прилично — он высыпал на стол. Горсть звякнула о доски.

Малис обернулась, посмотрела на деньги, потом на него.

— Не надо, — схватила его за запястье — на секунду, а потом отпустить. — Тебе самому нужны.

— Мне много не надо, — ответил он. — К тому же сегодня должны выдать жалование.

Она качнула головой, но он уже отвернулся, подхватывая сумку.

— Я сама как-нибудь разберусь, — сказала она ему в спину. — В этом году обещают щедрый урожай.

Нар'миир обернулся на пороге. Хотел сказать что-то ещё — о том, что урожай сам не соберётся, не продастся, что браслет этот рано или поздно принесёт беду, — но посмотрел на её лицо и не сказал ничего.

Вместо этого шагнул к ней, поцеловал — коротко, в уголок губ. Она чуть улыбнулась, и он вышел из комнаты.

— Возвращайся скорее, — услышал он вслед.

В сенях было темно и пахло прокисшим молоком, невымытой одеждой — и ещё чем-то сладковатым и тяжёлым.

Он уже взялся за дверную щеколду, когда услышал шорох наверху. Поднял голову.

С чердака, где спали дети, на него смотрели две пары глаз. Девочки. Близняшки. Обе — тощие, бледные, с такими же спутанными волосами, как у Малис, и такими же тёмными кругами под глазами. Они не плакали, не звали его. Просто смотрели.

Нар'миир перестал дышать, сам не заметив как.

— Скоро всё наладится, — сказал он тихо.

Одна из девочек высунулась чуть дальше. На серой коже проявились неровные белые пятна.

— Нир лежит белый-белый. Переживает, что не сможет пойти помочь Малис на поле.

Вторая добавила, не дожидаясь:

— И дышит так страшно, будто внутри кто-то стонет, а изо рта — красное, как мятые ягоды.

Нар'миир сжал челюсти.

— Малис скоро подойдёт, — сказал он. — Попробует облегчить боли.

Девочки кивнули и отодвинулись в темноту чердака.

Он достал из сумки лепёшку, отломил половину и протянул близняшкам. Дождавшись, когда те примут её, он вышел на улицу.

Утро встретило его сыростью и запахом земли. Трава за домом была мокрой от росы, загоны, что тянулись вдоль изгороди, пустовали — только в дальнем маячила худая корова, привязанная к колу. Поле за ними — те самые десять акров, что кормили ферму, — ещё не взошло. Только редкая

зелень пробивалась сквозь сухую корку.

Он шёл по тропинке, обходя лужи, мимо сарая с провалившейся крышей, мимо дровника, который начал ставить ещё ранней весной, но так и не закончил. Брёвна лежали на земле, тёсанные, готовые, но время на них находилось редко.

Нар'миир остановился, посмотрел.

— Когда же я найду на тебя время? — спросил он вслух. Никто не ответил. Тёсанные брёвна, готовые ещё ранней весной, пошли трещинами от солнца — но Малис ни разу не спросила, когда он закончит.

Он вышел за ограду. Дорога к стенам столицы шла через пустошь, заросшую жёсткой травой, — девятьсот шагов, которые он отмерял каждый день, не глядя. Пахло мокрой полынью и чем-то сладким — так пахнет только на рассвете, пока солнце не выжгло всё досуха.

Ворота уже открыли.

У въезда, опершись на копьё, стоял комендант — молодой, с заспанным лицом и свежим порезом на скуле. Видно, брился впотьмах.

— Тархан.

Он коротко козырнул, когда Нар'миир поравнялся с ним. Нар'миир в ответ лишь кивнул и не сбавил шага.

Рука сама потянулась к ногтям. Ни грязи, ни заусенцев. По крайней мере, здесь всё было в порядке. Затем он хрустнул суставами, разминая кисть.

За воротами раскинулся плац — серый, разбитый на квадраты камня. Они тянулись до самых казарм. Из кузни уже поднимался дым, возле конюшен слышалось ржание. За хозяйственными постройками виднелись офицерские корпуса.

Нар'миир только взглянул на корпуса и отвернулся.

Затем свернул к столовой. Ризаан наверняка уже ждал.

Столовая тарханов занимала отдельное каменное здание за казармами — низкое, приземистое. Из узких окон тянуло запахом жареного сала и горького травяного отвара.

Нар'миир толкнул дверь.

Навстречу сразу ударили шум голосов, жар и густой запах еды.

Внутри было шумно, накурено. За длинными столами сидели тарханы — кто-то уже завтракал, кто-то пил отвар, глядя в одну точку, собираясь с мыслями перед построением. У дальней стены возились с подносами дневальные.

Ризаан сидел на привычном месте, у окна, и даже со спины его можно было узнать по идеально прямой спине и свежевystиранной рубаше. На плече — вышитый серебром герб: лапа рыси, выпустившая когти. Нар'миир опустился на лавку напротив, и Ризаан поднял взгляд от глиняной кружки.

— Опоздал, — сказал он вместо приветствия и пригладил короткую чёрную бородку.

— На целую минуту, — Нар'миир потянулся за хлебом,

что лежал в середине стола. — Думал, ты уже доедаешь вторую порцию.

— Нет уж, — Ризаан усмехнулся, и на щеке круглый шрам дрогнул, сместившись к скуле. — Ждал тебя, чтобы смотреть, как ты будешь ковыряться в тарелке, а потом жаловаться на тяготы обеих жизней.

Нар'миир отломил краюху, сунул в рот, не жуя. Шершавая поверхность поцарапала язык.

— Ты сегодня в парадной рубаше, — заметил он, кивнув на герб. — Решил напомнить узденю, чей род поставляет зерно в столицу?

— Решил напомнить себе, — Ризаан откинулся на лавке, отпил из кружки. — Что у меня есть что-то, кроме дерьмового жалования и соседа, который вечно спит в трущобах за стеной.

— Это называется ферма, — поправил Нар'миир. — И там воздуха больше, чем в казарме.

— Если там так хорошо, почему ты всё время здесь?

Нар'миир молча раскрошил хлеб в миску.

Ризаан хмыкнул, вытер губы и прищурился.

— А ты тоже сегодня прямо при параде, — он кивнул на кинжал. — Даже его вылизал. Осталось только плащ праздничный нацепить.

— Плащ оставлю тебе, — сказал Нар'миир. — Уздень, говорят, сегодня не в духе.

— Не в духе? — Ризаан фыркнул и наклонился через стол.

— Я слышал, третьего дня он нукера чуть не придушил. Тот перед смотром шлем поправлял. Карвек схватил его за ворот так, что кольчуга шею содрала.

— И что? — Нар'миир даже головы не поднял.

— Да ничего. Отпустил, когда заметил, что на него смотрят. Но злой он с тех пор, как цепной пёс на короткой привязи. Так что сегодня лучше не выделяться.

— Я и не собирался, — Нар'миир поднял кружку и сделал глоток.

Отвар успел остыть. Горечь трав перебивалась дымным привкусом. Этого хватило, чтобы окончательно проснуться.

Ризаан в это время рассеянно повёл пальцем над столом — и на мгновение кончик его пальца вспыхнул тусклым, едва заметным огоньком. Пламя погасло сразу, но официант за дальним столом уже обернулся.

— Хватит светить, — рывкнул Нар'миир. — И так глаза режет.

— Привыкай, — усмехнулся Ризаан. — Может, когда-нибудь пригодится.

Он помолчал, помешивая ложкой свой отвар, потом сказал будто невзначай:

— Слышал, уже определился претендент на ритуал.

— Каждый год находят десяток-другой, — Нар'миир пожал плечами.

— Этот — не как все. Беловолосый, говорят. Часто таких среди наших видел? И ходят слухи, что женат на светлой эль-

фийке.

Нар'миир перестал жевать.

— На светлой? — переспросил он негромко.

Ризаан провёл языком по зубам и только потом добавил:

— Так говорят. Может, правда. А может, слухи, — он пожал плечами, отпил из кружки. — В любом случае, молва идёт, что он сильнее всех претендентов за последние сто лет. Даже твой старый нукер Канзаф-эль кряхтел, что такого давно не видел.

— И что с того? Лейфар сотни лет выходит на арену и всегда возвращается победителем. Сила претендента меняет только то, сколько времени это займёт.

— А если проиграет? — Ризаан внимательно смотрел на него.

— Не проиграет. Сам знаешь.

Нар'миир допил отвар и поставил кружку на стол.

Ризаан уже закинул сумку на плечо.

— Поторопись. Сегодня лучше не зевать.

— Как и в любой другой день.

Ризаан уже шёл к выходу.

В столовой постепенно пустело. Тарханы один за другим поднимались из-за столов и выходили наружу.

Нар'миир задержался на секунду дольше. Смахнул крошки, которых не было. Затем поднялся и поправил кинжал.

На крыльце его ждал Ризаан.

Щурясь на солнце, он бросил взгляд на Нар'миира.

— Ты какой-то отрешённый, что ли, — сказал он, когда тот поравнялся. — Опять ночью на сон времени не хватило?

Нар'миир на миг замер, спустя пару секунд бросил, не глядя:

— Хватило.

— Ладно, ещё наверстаешь, — Ризаан чуть прищурился, хлопнул его по плечу, — пойдём, пока уздень не начал искать нас.

Они свернули к плацу.

По камню застучали шаги. Их собственные смешались с десятками других — тарханы спешили занять места до начала построения.

От столовой до интендантской было рукой подать — низкое здание из тёмного камня, с единственной дверью, обитой железом, и маленьким зарешёченным окошком. Нар'миир придержал Ризаана за локоть.

— Я сейчас.

Тот покосился на дверь, на табличку с выбитым названием должности, и понимающе кивнул.

— Не задерживайся.

Нар'миир толкнул тяжёлую дверь. Внутри пахло сыростью, старой бумагой и перекившими чернилами — или самим интендантом. Тот сидел за столом, заваленным свитками, и что-то быстро писал, обмакивая перо в чернильницу, пристроенную между стопками бумаг. При появлении Нар'миира он поднял голову.

Дварфы всегда казались Нар'миру существами из другого мира — коренастые, с мощными плечами и руками. Особенно из рода краснолюдов. Эти одинаково легко управлялись и с боевым молотом, и с бухгалтерской книгой. Грол не был исключением. Рыжая коса, заплетённая в кольцо, блестя в свете масляной лампы. Чёрные глаза-бусинки смотрели цепко.

— Тархан, — голос у интенданта был низкий, раскатистый, с привычной хрипотцой. — По делу или поболтать?

— За жалованием, — Нар'миир остановился перед столом, положил ладонь на кинжал. — Новая неделя началась.

Грол отложил перо, пошевелил пальцами, разминая кисть. Потом потянулся к стопке свитков, перебрал несколько, нашёл нужный, развернул.

— Сегодня могу выдать только половину.

Нар'миир не шелохнулся.

— Ещё не получил подтверждение, что твоя десятка прошла проверку, — Грол говорил неторопливо, будто зачитывал устав. — Остальное получишь, когда уздень подтвердит боеготовность. Можешь спросить у него.

— Проверка была три дня назад, — Нар'миир не повышал голоса. В тишине интендантской слова звучали отчётливо. — И мои нукеры её прошли. Лучше всех в сотне.

— Бумага, тархан, — Грол развёл руками. — Без бумаги я тебе выдать больше не могу. У меня учёт.

— А где бумага?

— Тебе голова зачем? Чтобы есть? У узденя бумага. Когда он её передаст — получу. Получу — выдам.

Нар'миир сжал челюсти. Он открыл было рот, но Грол уже смотрел в свиток.

— Было бы на что есть — пробормотал он, прежде чем глухо спросить. — Сколько выдашь сейчас?

Грол снова склонился над свитком, провёл пальцем по строчке.

— Половину положенного, — он уже потянулся к шкатулке с монетами, но вдруг замер. — Ах да. Ещё вычеты.

— Какие вычеты? — по позвонкам пробежал холод.

— За постой в казарме тарханов, — Грол перечислял так же спокойно, будто говорил о погоде. — И за невыкупленное снаряжение.

— За снаряжение взимают уже год!

— Важно не сколько времени взимают, — Грол расправил плечи. — Важно сколько монет. Не нравится, выкупать надо было быстрее. Так даже дешевле.

Нар'миир хрустнул пальцами. Грол фыркнул в ответ и достал из шкатулки несколько монет, пересчитал, подвинул к краю стола. Серебро и медь — так мало, что и горсти не набралось бы.

— Это всё? — спросил Нар'миир, глядя на жалкую кучку.

— Всё.

Он взял монеты, не считая. Металл показался невесомым.

— Я проходил проверку, — повторил он, уже не надеясь

на ответ. — И отдал большую часть долга.

Грол поднял на него глаза. Нар'миир взгляделся в чёрные бусинки — и не нашёл там ни злорадства, ни сочувствия — только усталая деловитость дварфа, который считает чужие деньги и чужие долги.

— Тархан, — сказал он, и в голосе его вдруг прорезалось что-то почти эльфийское. — Я не враг тебе. Но у меня учёт. И если я сделаю для тебя исключение, завтра придут ещё десять с такими же просьбами. А потом меня вышвырнут, и на моё место посадят кого-то, кто будет считать ещё строже. И скажи на милость, просто ли краснолюду найти новое место среди тёмных эльфов?

Нар'миир почесал шею.

— То-то же, — Грол помолчал, потом добавил будто невзначай, — послезавтра ритуал. Если Лейфар победит — а он всегда побеждает, — всем выдадут годовую премию. Погасишь долг, и останется столько, что неделю сможешь серебром разбрасываться.

Нар'миир не ответил. Сунул монеты в кошель, затянул ремешок и направился к выходу.

— Тархан, — окликнул его Грол уже у двери.

Нар'миир обернулся.

— Уздень сегодня с утра заходил. Обмолвился, что лично будет проверять каждого. Так что можешь напомнить про бумагу.

Нар'миир кивнул и вышел.

Снаружи свет ударил в глаза. Ризаан стоял, прислонившись к стене, и крутил в пальцах монетку.

— Сколько? — спросил он, взглянув на лицо Нар'миира.

— Меньше половины.

— Вычли?

— Постой в казарме, которой я не пользуюсь. И снаряжение, которое я почти выплатил.

Ризаан присвистнул. Хотел что-то сказать, но посмотрел на друга, вместо этого достал из кошелька девять серебряников и сунул Нар'мииру.

— После премии вернёшь, — добавил он. — А пока пойдём. Карвек ждать не будет.

Нар'миир мысленно добавил новый долг к остальным. Он зашагал к плацу, не оглядываясь. Монеты глухо стучали о бедро при каждом шаге.

Глава 2 — Девять ударов

02.06.935 Эпохи «Совета десяти».

На низкой каменной тумбе у самого входа сидел Канзаф-эль.

Нар'миир заметил его ещё из-за угла интендантской. Старый нукер грел лицо на солнце и, казалось, вовсе не обращал внимания на гул голосов, заполнивший плац.

Лишь потом Нар'миир отметил, что солнце успело подняться выше. Серые плиты понемногу прогревались после ночи, а вдоль стен, где ещё держалась тень, уже выстроились первые шеренги.

Он замедлил шаг, разглядывая старика.

Старый нукер был в доспехе — потёртом, местами поцарапанном, но вычищенном до тусклого блеска. Кольчуга на нём выглядела старше половины нукеров в сотне. По крайней мере, других таких Нар'миир не видел — ни в Сар'Келе, ни в других городах Кара'Тага.

Канзаф-эль привалился к стене и грел лицо на солнце. Ноги в тяжёлых сапогах были вытянуты вперёд. Седая щетина торчала клочьями. Левый глаз был почти закрыт.

Когда Нар'миир подошёл ближе, одно веко приподнялось.

Второй глаз — вернее, место, где он когда-то был, — скрывала чёрная повязка.

— Тархан.

Канзаф-эль не пошевелился. Голос прозвучал ровно, как и положено по уставу. Только без той поспешной угодливости, с которой молодые нукеры обычно встречали офицеров.

— Вольно, — Нар'миир остановился рядом и посмотрел на плац, где строились другие десятки. — Ты как всегда первый в доспехе.

Канзаф-эль приоткрыл второй глаз, усмехнулся в седые усы.

— Молодые слишком торопятся, — сказал он, кивая в сторону суеты на плацу. — Спешат, суетятся, а потом оказывается, что шлем забыли, да меч не наточен. Я не тороплюсь. Потому и не опаздываю.

Нар'миир хмыкнул. Старый нукер похлопал ладонью по тумбе рядом с собой, но Нар'миир остался стоять, положив руку на кинжал.

— Ты на построение не гляди, — Канзаф-эль, не дождав-шись, сложил руки на животе. — Уздень ещё не вышел. Успеешь.

— Я уже и так задержался, — Нар'миир покосился на дверь казармы, где топтались тарханы. Ризаан, поняв, что друг отстал, махнул рукой и пошёл занимать место.

— Задержался он, — Канзаф-эль хмыкнул. — У тебя ещё пятьсот лет впереди, чтобы торопиться. Я вот уже триста лет на плац хожу Нет, больше. Но ничего, ни разу не опоздал. А ты глядишь — уже нервный какой-то.

— Ты и через пятьсот лет будешь говорить, что не торо-

пишьяся, — сказал Нар'миир, но голос его прозвучал мягче, чем он хотел.

— А я и буду. Глядишь, и ты к тому времени научишься. Главное — отмеренные годы трать с умом.

— Повезёт, если хоть триста лет осталось в запасе.

— Ну, не у каждого и они есть, — философски заметил старый нукер, — он помолчал, щурясь на солнце. — Послезавтра же ритуал? Не перенесли, как в прошлом году?

— В этот раз всё по графику.

— Я рассказывал, как мой уздень бросил вызов Лейфару? Канзаф-эль, как обычно, не ждал ответа.

— Девяносто лет назад дело было. Сильный эльф. Молодой ещё. Говорили, кровь самого первого илара в нём течёт. Тогда ненавистники думали — вот он, тот самый. Выйдет на арену и наконец сделает то, чего другим не удалось, — старик хмыкнул. — Не сделал, — он поднял руку и показал растопыренные пальцы. — Девять ударов, — рука опустилась обратно на колено. — Лейфар уложил его за девять ударов. Да так, что узденя потом по частям хоронили.

— Ты рассказывал.

— И ещё расскажу, — Канзаф-эль приоткрыл глаз и покопился на Нар'миира. — Потому что тогда я понял одну вещь. Крепче лейфара наш род ещё не видел, — он помолчал. — Я и его отца помню. Тот тоже был силён. Но нынешний — Старик покачал головой. — Нет. Этот другой.

Некоторое время они молчали, глядя на плац.

— Говорю тебе, в такие времена только на него и можно положиться.

Нар'миир промолчал.

— А вот теперь, — Канзаф-эль понизил голос, хотя рядом никого не было, — поговаривают, претендент этот, беловолосый женат на светлой эльфийке.

— Слухи, — отрезал Нар'миир.

— Может, и слухи, — старый нукер не спорил. — А может, и нет. Но если Лейфар падёт, и такой на трон сядет Позор всем тёмным эльфам. Позор, тархан.

Он помолчал, глядя на плац, где уже выстроились шеренги, и добавил тихо, будто самому себе:

— Был бы я на его месте, я бы такому выскочке пару сухожилий перед боем подрезал. Чтоб не повадно было. Сейчас не то время, чтобы рисковать. Ой не то

Нар'миир повернулся к нему. Старый нукер смотрел прямо перед собой, лицо его оставалось спокойным, но Нар'миир вдруг поймал себя на том, что сильнее сжал рукоять кинжала.

— Ты о чём? — спросил Нар'миир.

Канзаф-эль лишь повёл плечом.

— О том, что старый волк нужен стае, пока щенки не набрались сил. А тут — он кивнул в сторону казарм, где уже показался уздень Карвек. — Тут и волки-то не все волки.

Канзаф-эль поднялся с тумбы и одернул кольчугу.

— Идём, тархан, — сухо сказал он. — Уздень наконец

вышел. Пора доказать, что мы ещё не совсем разошлись.

Старый нукер направился к строю, не оглядываясь.

Нар'миир проводил его взглядом. Потом посмотрел на Карвека. Уздень уже разворачивался к шеренгам.

Слова старого нукера всё ещё крутились в голове.

Нар'миир недовольно дёрнул ремень кинжала и только тогда двинулся через плац. За это время строй успел почти закончить построение.

Свою десятку он нашёл у дальнего края плаца, там, где каменные плиты переходили в утрамбованную землю, а от конюшен тянуло навозом и прелым сеном.

Нукеры стояли в две шеренги — копья вверх, лица вперёд, взгляды сквозь забрала. Канзаф-эль замыкал правый фланг. Даже отсюда было видно, как он поправил топорщащуюся кольчугу.

— Десятка, смирно! — скомандовал Нар'миир, становясь перед строем.

Стук сапог, лязг колец — нукеры вытянулись. Один из них чуть запоздал, и звук металла ещё на миг задержался в воздухе, прежде чем окончательно стихнуть.

Нар'миир прошёлся вдоль шеренги. Перед молодым нукером он остановился. Ремень на плече был слабоват. Молча дёрнул его, затянул, поправил наплечник. Парень не шелохнулся, но дыхание у него сбилось.

— Дыши, — сказал Нар'миир тише, чем хотел. — Уздень не кусается.

— Тархан, я

— Молчать.

Он задержался ещё на мгновение, потом всё же отпустил его и двинулся дальше. Уже отходя, он почему-то снова посмотрел на ремень этого нукера.

Снаряжение у десятки было разное. У первого кольчуга латана не первый раз. У второго шлем с вмятиной. Даже доспех Канзаф-эля выглядел не самым поношенным.

— Сегодня сотня в почёте, — сказал Нар'миир, уже громче. — Уздень будет смотреть сам. Не подведите.

— Не подведём, тархан, — отозвался Канзаф-эль.

По строю прошёл сдержанный шум — короткий и быстро затихший. Нар'миир кивнул и развернулся к центру плаца. Десятки ещё не успели выровняться. Кто-то запаздывал с шагом, кто-то только занимал своё место в строю.

— Тарханы, ко мне! — Голос Карвека прокатился над плацем. Уздень вышел из тени казарм.

Перешёптывания смолкли не сразу. Ещё несколько слов долетели из разных концов строя и растворились в общем гуле.

Карвек был в полном облачении. Чёрные пластины ламелляра, волчьи головы на плечах. Нар'миир отметил это мимоходом, скорее по привычке. На широком шлеме поблёскивал обсидиан, шаги узденя глухо звенели по камню.

— Сотня, смирно!

Вторая сотня замерла. По плацу прошёл ветер, принесся

запах железа и пота.

Карвек медленно двинулся вдоль первой шеренги, заложив руки за спину.

Иногда он цеплял пальцем ремень доспеха, проверяя натяжение. Иногда просто замирал перед нукером на несколько секунд и шёл дальше. Чаще проходил мимо.

— Послезавтра нашей сотне выпала честь стоять на песке арены, — голос Карвека разнёсся по плацу. — Держать круг свидетелей. Вы будете смотреть, как наш лейффар, Таранис, сын Таранора, выходит на поединок.

Он сделал короткую паузу.

— Если он победит — а он победит, — вы первыми восславите его. Если же случится невозможное и наш лейффар падёт, вы первыми принесёте клятву новому правителю. Тому, кто выйдет с песка победителем.

По строю прошёл шёпот.

— Молчать!

Голоса тут же стихли.

— Тарханы, — Карвек повернулся к офицерам. — Проверить выучку нукеров. Каждый должен знать своё место. Смотреть в оба: завтра придёт знать, послы и прочая шваль. Чтобы ни одного сучка, ни задоринки. Снаряжение проверить лично — от пряжек до заклёпок. Найду хоть одну зазубрину на мече — ответите головой.

Он двинулся вдоль строя тарханов. Не спеша. На одних задерживал взгляд дольше, других проходил почти не заме-

чая.

Нар'миир стоял ровно.

Когда Карвек остановился напротив, он не шевельнулся. Пауза получилась чуть длиннее, чем должна была.

— Тархан Нар'миир, — сказал Карвек, и в голосе зазвучала ленивая насмешка. — У тебя ногти, как всегда, чистые? Прямо как у девицы перед праздником.

Несколько тарханов рядом хмыкнули. Нар'миир даже не повернул головы.

— Давай посмотрим.

Карвек взял его за запястье, поднял руку, разжал пальцы. Усмехнулся.

— Ах да. Ещё и фибула сверкает. А плащ где? Нет плаща. Нет герба. Одна гордость — и та, похоже, взята в долг, — он отпустил руку Нар'миира и отступил на шаг. — Но фибула правильная. С гербом сотни. Это хорошо, — Карвек слегка поклонил голову. — Сотня — твоя семья. Пока остальные держатся за свои рода. Ты ведь это понимаешь? Другой семьи у тархана быть не может.

Нар'миир смотрел вверх его плеча. На серое утреннее небо. Слово Карвека предназначались кому-то другому. Но пальцы всё же сжались в кулак.

Карвек осёкся на полуслове. Нахмурился. На миг между ними повисло что-то тяжёлое, почти осязаемое. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Хмыканье в строю стихло. Кто-то отвёл взгляд. Кто-то,

наоборот, застыл на месте. Канзаф-эль держал копьё так, что серые пальцы побелели.

— Нар'миир! — голос Ризаана прорезал шум, будто снаружи.

Толчок в плечо. Потом ещё один. Нар'миир только тогда понял, что рядом уже стоит Ризаан. Тот схватил за локоть. Резко развернул к себе.

— На меня смотри, — пальцы впились в руку. — Дыши.

Нар'миир несколько секунд смотрел на него, не понимая, что происходит. Потом медленно вдохнул. Разжал кулак. Только тогда пальцы перестали дрожать.

Не сразу.

Будто что-то сопротивлялось. Всё закончилось так же быстро, как началось.

Карвек уже отошёл на несколько шагов. Но всё ещё смотрел в их сторону. Несколько мгновений. Потом отвернулся.

— Ты идиот? — тихо спросил Ризаан.

— Всё под контролем.

— Конечно, — Ризаан выпустил его локоть. — Ещё немного такого контроля — и половина плаца решила бы, что началась драка.

Нар'миир поправил рукав.

— Пусть.

— Не начинай.

— Пусть знает, что я не только ногти чищу.

Ризаан покачал головой, но спорить не стал. Вернулся на

своё место, бросив уже через плечо:

— Будь осторожен.

Нар'миир выдохнул, поправил кинжал. Оглядел свою десятку — нукеры стояли как стояли, но он видел напряжённые спины, как у кого-то дрогнула рука на древке копья.

Канзаф-эль смотрел на него из-под седых бровей.

Карвек уже заканчивал обход. Поднялся на наскоро сколоченный помост, развернулся к строю.

— Тарханы, к своим десяткам. Через час — смотр выучки. Каждый нукер пройдёт передо мной.

Он махнул рукой, отпуская офицеров.

Нар'миир зашагал к своей десятке. В висках ещё отдавалось глухими толчками. Карвек больше не смотрел в его сторону. Но Нар'мииру почему-то не становилось легче.

Когда он подошёл, нукеры уже разомкнули строй. Канзаф-эль стоял на правом фланге, опершись на копье, и что-то лениво жевал — то ли сухарь, то ли просто чавкал по привычке.

— Разбиться на пары, — скомандовал Нар'миир. — Первый с копьём, второй с мечом. Начали.

Нукеры задвигались. Кто-то огляделся в поисках пары, другие уже привычно расходились к тем, с кем тренировались годами.

Канзаф-эль, кряхтя, вышел напротив молодого — того самого, которому Нар'миир перед построением подтягивал ремень.

— Сегодня поспокойней, старик? — бросил парень, поднимая тренировочный меч.

— Не обещаю, — ответил Канзаф-эль. В седых усах мелькнула усмешка.

Первые удары прозвучали разрозненно. Через несколько секунд плац уже звенел железом.

Нар'миир отошёл в сторону и скрестил руки на груди.

Где-то Карвек рявкнул на соседнюю десятку. Где-то нукер поднимался из пыли после неудачного броска. У дальних рядов надрывался уздень одной из обычных сотен.

Нар'миир следил за своей десяткой.

Рядом, чуть левее, двое нукеров — молодой и тот, что постарше — сошлись в спарринге, перебрасываясь словами между ударами. Сначала Нар'миир не придавал этому значения. Потом сквозь общий шум пробился голос — нервный, срывающийся на фальцет.

— Говорю тебе, старый тиран погонит нас на убой, а сам спрячется за стенами.

Партнёр что-то ответил — неразборчиво. Но молодой не унимался.

— Со светлыми эльфами не воюет, людей боится. Только на ритуале герой. Держу пари, после ритуала согласится на союз с этими — он запнулся, подбирая слово, — с этими высокомерными выскочками. Упадёт в ноги их лейфару.

Ещё один удар. Тупая сталь стукнула о древесину — и разговор оборвался. Не сразу по всему плацу, а только здесь,

в этом участке. Остальные десятки продолжали тренировку, но здесь, на их участке плаца, звон оружия стих.

Те, кто стоял ближе, замерли, опустив мечи. Парень тоже остановился. Медленно повернул голову. И встретился взглядом с Нар'мииром.

Несколько мгновений никто не двигался. Нукеры молчали.

Ждали.

— Повтори, — сказал Нар'миир. Голос прозвучал спокойно. — При всех. То, что ты сказал.

Парень открыл рот. Закрыл. Кадык дёрнулся.

— Я тархан я не

— Я слышал, — Нар'миир шагнул ближе. — Повтори.

Парень несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот.

Напарник рядом незаметно отступил на полшага.

— Старый — выдавил нукер. — Тиран погонит на убой
Голос сорвался.

Зубы стукнули друг о друга.

— Дальше, — потребовал Нар'миир.

Но парень только мотал головой. Слова застряли где-то в горле. Нар'миир смотрел ещё несколько секунд. Потом выдохнул и отступил.

— За оскорбление лейфара во время несения службы — девять ударов плетью, — произнёс он. — По уставу.

Парень обмяк, едва не осел на землю, но его подхватил сосед. Кто-то из нукеров выругался сквозь зубы, кто-то отвёл

взгляд.

— Снять доспех, — приказал Нар'миир. — Всё выше пояса долой.

Парня разоружили. Он дрожащими руками пытался растегнуть ремни, путая пряжки. Канзаф-эль, крихтя, шагнул ближе.

— Спина прямая. Лицо вперёд, — буркнул старый нукер. — Не позорь десятку. И не ссы. Первый раз, что ли?

Он быстро, привычно стянул с него кольчугу и поддоспешник. Спина обнажилась — бледная, со старыми шрамами.

— Плеть, — сказал Нар'миир, не глядя на Канзаф-эля.

Старый нукер на миг замешкался, потом снял с сумки плеть и молча протянул её рукоятью вперёд.

Нар'миир взял. Плеть оказалась тяжелее, чем выглядела.

— Считай, — бросил он парню.

И поднял руку.

Первый удар. Кожа вспыхнула красной полосой. Парень дёрнулся, но смолчал.

— Раз.

Второй. Плеть свистнула и врезалась в спину.

— Два.

На третьем он вздрогнул всем телом и закусил губу. Но устоял.

— Три.

Четвёртый пришёлся на старый шрам — тело дёрнулось

сильнее, и он выдохнул сквозь зубы.

— Четыре.

Пятый, шестой, седьмой слились почти в одно. Спина быстро покрывалась полосами, кожа лопалась. Кровь стекала по рёбрам в пыль.

— Семь! — выкрикнули из строя.

Нар'миир не ускорялся и не замедлялся. Восьмой. Девятый. Он опустил руку.

— Восемь девять, — прошептал парень и осел на колени.

Никто не бросился к нему. Нукеры стояли молча, переводя взгляды с тархана на плеть.

— Отвести в лазарет, — сказал Нар'миир, протягивая плеть Канзаф-элю. — Перевяжут.

Двое нукеров подхватили парня под руки и повели прочь.

Нар'миир поднял взгляд. Чуть поодаль, у бочки с водой, стоял Карвек. На губах у него держалась довольная, почти одобрительная усмешка.

— Правильно, — сказал уздень. — Порядок есть порядок. А то распустили тут язык за зубами держать надо.

Он кивнул Нар'мииру, будто ставил отметку, поправил второй меч на поясе и направился к соседней десятке.

Нар'миир отвернулся. Посмотрел на свои руки. На пальцы, ещё помнившие рукоять плети. На тщательно вычищенные ногти. Крови на них не было. Но смотреть на них всё равно не хотелось.

«Может, он и прав, — подумал Нар'миир. — Если бы не

я — поставили бы другого. И тогда сказали бы то же самое. Или хуже».

Он выдохнул и заставил себя выпрямиться.

— Продолжить тренировку, — скомандовал он. — Кто не готов к смотру — будет отвечать.

Нукеры задвигались, подбирая оружие. Канзаф-эль молча вернул плеть на сумку тархана и посмотрел на Нар'миира. Канзаф-эль посмотрел на него. Ни кивка, ни усмешки.

— Тяжёлое дело, тархан, — сказал он негромко. — Но верное.

Нар'миир смотрел в спину уходящего Карвека. Пальцы на мгновение сжались на рукояти кинжала — и разжались. Он заставил себя выпрямиться. Руки оставались неподвижны.

Нукеры снова разошлись по парам. Зазвенели мечи, заскрежетали копыя.

Теперь они двигались осторожнее. Кто-то поглядывал на тархана, кто-то избегал взгляда.

Нар'миир ловил эти взгляды и молча стоял ровнее.

Канзаф-эль, закончив, прошёл мимо. Остановился, положил тяжёлую ладонь на плечо Нар'миира, сжал.

— Железный характер, — сказал он негромко. — Настоящий тархан.

И пошёл дальше, к своей паре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.